

СОВЕТСКИЙ КОНФОРМИЗМ И «ЛЕВАЯ ИДЕЯ»

УДК 94(47+57)+44):7.011.3

«ЛЕВАЯ ИДЕЯ» В ИСКУССТВЕ: СОПРОТИВЛЕНИЕ ИЛИ КОНФОРМИЗМ?¹

Т.А. Круглова

Уральский федеральный университет, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
tkruglowa@mail.ru

Презентируется исследовательский проект, цель которого проанализировать устройство поля советского искусства при сталинизме в условиях доминирования политического фактора в сфере культуры; горизонтальные и вертикальные связи в художественной среде; влияние символического капитала западного «левого» сообщества; позиции художников в поле и весь спектр стратегий поведения, обеспечивающих достижение успеха. Исследование построено на сравнении стратегий и дискурсов французских левых интеллектуалов и советских писателей, успешно встроившихся в эстетико-политический проект власти. Сравнительный анализ направлен на прояснение противоречивых концептов левого дискурса, таких как правое/левое, авангардное/консервативное, народное/буржуазное, конформизм/нонконформизм, и конверсии, которая происходит при их переносе из одного национального литературного поля в другое; а также на описание практик творческой и интеллектуальной деятельности, сопряженных с этими концептами. В центре исследования – идея обнаружения сходства и различия исторических и культурных вариантов развертывания единого в своих ментальных истоках проекта Просвещения, в котором творец искусства наделяется важнейшей социальной миссией и символической властью.

Ключевые слова: «левая идея», авангардизм, сталинизм, конформизм, символический капитал, социальный анализ П. Бурдьё, поле литературы, французские левые интеллектуалы, художественные стратегии, советские художники.

В Уральском федеральном университете им. Б.Н. Ельцина с 2013 г. группа ученых из Института социально-политических наук и Института гуманитарных наук и искусств начала работу над междисциплинарным проектом «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция "левой идеи" в период с середины 1920-х до середины 1950-х годов». Этот проект поддержан грантом РГНФ, партнерами выступают исследователи из Центра П. Бурдьё, занимающиеся социологией искусства (ENEESS – Школа социальных исследований), Париж. Руководители проекта с российской стороны – профессор Т.А. Круглова, с французской стороны – профессор Ж. Сапиро. Основная научная проблема, исследуемая в рамках проекта, – **проблема политизации искусства**. На первом этапе исследования проблема конкретизируется на основе литературы сталинского периода и задача сформулирована следующим образом: сопоставить структуру советского и французского литературных полей, принципы их организации и типы определяемых ими позиций и таким образом выявить и описать «субполе» литературы, образованное циркуляцией образов СССР и Франции вокруг **концепта «левое искусство»**.

В российском гуманитарном пространстве назрела необходимость обновления теоретического инструментария для изучения устройства и функционирования художественной культуры в системе социальных связей. При очевидной продуктивности марксистского категориального аппарата, которым долгое время питалась отечественная социология искусства, в последние десятилетия не появилось интересных концепций, а новые эмпирические данные по истории российского и советского искусства XX в. явно нуждаются в интерпретации в контексте мировой теоретической и художественной культуры. Кроме того, одним из слабых мест отечественной социологии искусства было игнорирование таких важнейших факторов влияния на художественный процесс, как власть, идеология, политика. Но в то же время проблема политизации искусства в XX в. является одной из центральных во французской школе социологии искусства, которая осмысляет ангажированность художников как важную стратегию в структуре автономного поля искусства. **Изучение практик ангажированности писателей как серий ситуаций морального выбора имеет принципиальную методологическую важность** для современных западных исследований, так как возвращает в

критическую социологию проблематику субъекта и служит вызовом классическому структурно-функциональному анализу.

Прививка методов П. Бурдьё, Ж. Болтански, Ж. Тевено и их последователей к отечественному искусствознанию и эстетике видится нам полезной и необходимой. На наш взгляд, годы существования либеральной художественной критики в условиях цензуры и вынужденного тесного сращения с административными структурами управления искусством ориентировали ее на постоянную защиту художников от любых форм социального давления. Сложилось устойчивое представление о независимости автора от любых форм власти как важнейшем условии подлинности его творчества. Связь между художником и обществом, в котором он живет и творит, квалифицировалась чаще всего как однозначно враждебная и мешающая, автор трактовался как фигура страдательная и зависимая, а любая индивидуальная активность оценивалась только по бинарному признаку – либо конформизм и творческое бесплодие, либо подпольное сопротивление и легендарная слава среди потомков. Роль художественной среды советского времени, в ограниченных, но важных для каждого отдельного художника, векторах социализации и «делания судьбы», недооценивалась. Разработанные французскими интеллектуалами представления о микрофизике власти на уровне художественных объединений, об опосредованных формах вторжения социальной ткани в художественный процесс, о непрямых способах политизации искусства, о невозможности для художника нейтральной позиции, стали основой консенсуса между интеллектуалами, творцами и организаторами художественного процесса в западном мире. Представители мира искусства (художники, кураторы, галеристы, критики, философы, социологи, менеджеры и продюсеры) нуждаются в постоянной рефлексии социальной чувствительности, представление об арт-практиках как замкнутом, изолированном от важнейших социальных и культурных событий процессе считается глубоко устаревшим, так же, как и миф об абсолютной свободе автора. У нас работа по осмыслению социальной природы искусства в новом контексте только начинается.

Выбор сталинского периода российской истории XX в. в качестве объекта анализа важен для нас потому, что в нем, с одной стороны, проявились специфические установки российских творцов на социальную отзывчивость искусства, а с другой – сложились новые правила включения художников в социальность и связанные с ними ожидания обновления художественного процесса. Воссоздание многообразия способов вовлечения советских художников в эстетико-политический проект власти позволит понять границы социальной ответственности искусства в условиях сталинской модернизации.

Используя разработанную французской школой социологии искусства теорию полей и циркуляции символического капитала, научный коллектив прослеживает **инверсию фундаментальных концептов политизации искусства (правое/левое, конформизм/нонконформизм, народное/буржуазное, революционное/контрреволюционное, авангардное/консервативное)**, которая происходит при их переносе из одного национального художественного поля в другое. Теория практик, также обязанным своим созданием П. Бурдьё, позволяет интерпретировать творчество художников не в привычном ракурсе «системы взглядов», «мировоззрения», «идеологических ориентаций», а как набор практических действий и стратегий поведения профессиональной среды: организация работы, совместные и индивидуальные акции, солидарность и дружба, материальная взаимопомощь, способы участия в политической, государственной и общественной жизни, формы легитимации признания, борьба за успех и т.п.

Для начала необходимо разобраться в **устройстве художественного поля при сталинизме:** до сих пор в отечественных источниках преобладает подход, при котором в поле зрения попадают только вертикальные связи, отношения по линии *художник – власть*; не изучены оппозиции внутри поля, его агенты и структура горизонтальных связей; не выявлены правила поведения в поле и источники символической власти в условиях господства соцреалистического дискурса. Мы исходим из того, что устройство поля было общим социальным изобретением, и участников художественного процесса, и властных структур. Фактор борьбы за символические ресурсы, за успех, о влиянии которого много написано западными социологами искусства, пока недостаточно оценен при изучении сталинского периода.

В качестве такого **важнейшего и влиятельного фактора формирования символического капитала выступает в этот период концепт «революционное» или «левое» искусство.** Сталинская власть, используя символические ресурсы иностранных культур, активно конструировала об-

раз «прогрессивного» искусства в качестве союзника социалистического строительства. Это создавало площадку напряженного взаимного интереса и обмена между западными интеллектуалами, ищущими подтверждения своим, как правило, «левым», взглядам и укрепления авторитета в своей стране, и советскими художниками, стремящимися встроить социалистическое искусство в международное культурное пространство. Участниками проекта уже составлено представление об огромном количестве контактов, путешествий, переводов, об активной переписке, о совместных мероприятиях советских и французских участников. Это обширный материал требует теоретической рефлексии, в частности, связанной с содержанием и функционированием концептов, из которых складывается лексикон художественно-политического дискурса этого периода. Прежде всего это касается семантики и риторики «левой идеи», «революционного искусства», «ангажированности», «лояльности», «конформизма». Сравнивая авторскую стратегию и практику ангажирования советского писателя-«конформиста» со стратегией французского левого интеллектуала, лавирующего между рынком и требованиями компартии, мы сможем выявить область смысловых инверсий и непонимания. Обнаруженные различия и в риториках, и в практиках позволяют использовать концепции французской социологии искусства с необходимой поправкой на исторический контекст сталинизма и российские интеллектуальные традиции художественной рефлексии.

Таким образом, вполне органично в представленное исследование по «левой идее» вошел **проект «Советский мир: конформизм и конформисты»**, который был инициирован в 2012 г. Руководители и инициаторы проекта – профессор Института социально-политических наук, доктор философских наук Т.А. Круглова и профессор Института гуманитарных наук и искусств, доктор филологических наук М.А. Литовская. В течение 2012 г. состоялись два теоретических семинара и круглый стол, результаты которых были опубликованы в электронном журнале «Лабиринт» (<http://journal-labirint.com>). На семинарах были рассмотрены такие проблемы, как генезис конформизма в контексте модернизационных процессов, социально-антропологическая природа конформизма и его исторические границы, специфика генеалогии советского конформизма, методология анализа практик адаптации субъектов культуры к условиям несвободы, социолингвистические характеристики дискурса «согласия/соглашательства», особенности конформизма в поле советского искусства, антропологический портрет художника-конформиста.

«Конформизм» стал для нас, инициаторов проекта, концептом и феноменом, сквозь призму которого становится возможным понять советского художника в контексте противоречий эпохи модерна и в широкой исторической перспективе. В названии проекта встроена проблема, требующая теоретического и историко-культурологического разрешения: концепт «мир» в русском языке семантически многозначен, и значения его находятся в напряженном взаимоотношении. «Советское» включает в себя «мир» в значении уникальной цивилизации и исторической эпохи, особого хронотопа и антропологического типа со своим жизненным горизонтом. В то же время «мир» – синоним согласия и единства, отсутствия социальных антагонизмов, всего того, что так часто декларировалось в советском обществе как его главное завоевание. Участников семинаров интересовали характер того специфического типа согласия, которое стало основой устойчивости советских практик, условия, в которых осуществлялась «игра в согласие» (Н. Козлова), наконец, человеческие типы, которые были активными агентами этих практик. Особенно важным представлялось разобрататься со словом «согласие», так как в его семантической неопределенности авторам проекта научного семинара виделся ключ к объяснению того, почему люди поддерживали власть в ее неправедных действиях, поступали как «соглашатели». Поиску ответов на эти вопросы был посвящен круглый стол «Конформизм в искусстве: игра в согласие». С полной видеовersion семинара и круглого стола можно познакомиться (<http://uralblog.pro/news/13488/?pos=832>).

Работа на семинарах строилась, таким образом, вокруг авторских стратегий. Биографии советских художников рассматривались в двойной оптике: исходя из законов автономного поля искусства (внутренние художественные законы, традиции, инновации, творческая самореализация автора) и сил, действующих по законам гетерономного поля (рынок, идеология, власть, массовые вкусы, быт). На наш взгляд, **концепт «конформизм» обладает эвристическим потенциалом для описания взаимодействия сил между автономным и гетерономным полями в советском культурном пространстве**. Даже предварительные итоги совместной аналитической работы на семинарах убеждают в том, что конформизм – вынужденная и неизбежная платформа для большинства советских творцов, заинтересованных в реализации своих художественных намерений.

Концепт «конформизм» стал рабочим названием для ряда практик адаптации, приспособления, сделок, обмена, торга, которые вынуждены осуществлять художники в зависимости от разного рода обстоятельств и с различным успехом. Это ставит перед исследователями вопросы, на которые нет однозначных ответов: если конформизм – форма сделки художника и власти, то каковы ее условия и границы? Какой конформизм нужен обществу, чтобы сохраниться? Как соотносятся мейнстрим и конформизм? Как соотносится «правое» с конформизмом и лояльностью? Всегда ли «левое» равно оппозиционному?

Накопившиеся в результате дискуссий о советском конформизме вопросы, а также задачи, стоящие перед исследователями проекта по «Левой идее», обусловили необходимость проведения научно-методологического семинара, в котором предметом анализа должно было стать пересечение этих проблемных полей. И 25–26 апреля состоялся **научный семинар «"Левая идея" в поле советского искусства**», программа которого была построена следующим образом: участникам третьего семинара предлагался для исследования искусства **принцип структурирования поля через оппозицию «левое–правое»**, с которой, как мы предполагаем, связаны такие известные художественные оппозиции, как «авангардистское–традиционалистское», «нон-конформистское–конформистское». В программу семинара были включены доклады, посвященные генезису «левой идеи» и «левой» риторики в философии, социологии искусства, художественной практике. Конкретный материал художественного процесса был ограничен периодом сталинизма: серединой 1920-х – серединой 1950-х гг.

В первой части семинара в докладах М.С. Ильченко («Невидимые стратегии авангарда: советские архитекторы и институты власти в условиях 1930 – 1950-х годов»), И.Е. Васильева («От авангарда к классике: проблема эволюции творчества советских поэтов»), О.Л. Девятовой («Сергей Прокофьев в советской России: конформист или свободный художник?») были выявлены личностные основания трансформации художественных взглядов «новаторов» к традиционалистской эстетике, ориентации на массовый адресат, поэтику «новой простоты». Внутренняя мотивация перехода на более консервативную платформу интерпретировалась на фоне нарастающего доминирования государственного заказа, который открывал новые перспективы перераспределения символического капитала. Изменение правил поведения в пространстве советской культуры на протяжении 1930-х гг., смена доминирующих групп и иерархии в поле искусства, использование в новом контексте прежних риторических фигур («левое», «революционное», «авангардное») породили двусмысленность художественных посланий. В докладе Е.Г. Трубиной «Пятая симфония Д. Шостаковича в Карнеги-холле в январе 2013 года: сопротивляясь иронией» обращается внимание на то, что один из самых известных опусов композитора, прочитанный в свое время как демонстрация лояльности, как попытка вписаться в соцреалистический дискурс, в ситуации утраты тоталитарного контекста трактуется как тщательно замаскированный протест против режима, как его разоблачение. Аналогичные приметы использования официальной риторики, нарушающие правила, установленные государством, обнаруживает и Г. А. Янковская в докладе «Итальянская забастовка, саботаж и конформизм: тактики адаптации советских художников к арт-рынку 1930 – 1950-х годов». Языком, на котором формулировались новые требования к художнику и устанавливались правила, была цензура. В докладе Л.М. Немченко «"Классовый подход" в кино: художник и цензор, нарушение коммуникации (на материале дискуссий на студии "Мосфильм" в 1937 году по поводу фильма С. Эйзенштейна "Бежин луг")» выявлена интересная закономерность: стремление автора угадать еще не высказанные пожелания власти, экспериментировать с социальным заказом, переводя его на язык мировой культуры, часто приводит к полному краху и отсутствию консенсуса с властью, даже несмотря на согласие с основной линией развития социалистического проекта. Амбивалентность конформиста, на поверхности производящего впечатление пассивного принятия существующих правил, а в результате сложных маневров обыгрывающего власть, проанализирована в докладе М.В. Воробьевой «Образ конформиста в текстах культуры советского общества».

Установить границы принятия правил позволяет анализ дневников, так как предполагается, что в них-то и находится ответ на вопрос о том, как на самом деле деятели культуры относились ко всему, происходящему в стране. Доклад И.Л. Савкиной «Для таких людей, как он, убеждения не нужны» (левое/правое, идеология и культура в дневнике К. Чуковского, 20-е годы) дал основания для сомнений в таком казалась бы доказанном признаке конформиста, как «согласие с заведомо неприемлемым» или «неистинным». Дневник, не предполагающий публичного или официального

адресата, продемонстрировал, как в процессе разворачивания и укоренения советского проекта происходит речевая и ментальная адаптация, как постепенно еще недавно «чужое» и «неприемлемое» становится терпимым и «нормальным».

Вторая часть семинара была посвящена проблемам поиска методологических моделей описания структуры литературного поля в 1920 – 1950-х гг. Участников семинара интересовали возможности идеологической маркировки позиций, активно используемые в политико-теоретическом дискурсе этого периода. Опираясь на концепты «левое» и «правое», через трансформации которых традиционно объясняется основной вектор динамики западной и российской культуры в период между мировыми войнами и весь спектр политических позиций, целесообразно проследить их содержательное и функциональное наполнение в различных идеологических контекстах: либеральном и тоталитарном. Для этого необходимо было разобраться с тем, как вообще понималась возможность донести средствами литературы важнейшие идейные комплексы. Этому был посвящен доклад Н.В. Суслова «Проблема соотношения философии и литературы в работах современных французских философов», так как для французской интеллектуальной традиции характерно фундаментальное сомнение в применимости идеологических и – шире – абстрактных идей, выработанных рационально, к анализу художественных текстов, по своей природе восходящих к мифу.

М.А. Литовская сделала обзор теоретических подходов к интерпретации поля литературы изучаемого периода («Литературная ситуация 1930-х – первой половины 1950-х годов: современные подходы»), показав границы использования идеологических маркеров, а также разрывы и нестыковки между замкнутыми в себе разными моделями описания динамики литературного процесса в контексте истории советского общества. В сообщении Е.П. Неменко «Социоанализ Пьера Бурдьё и изучение структуры поля культурного производства при сталинизме» была сделана попытка применить четырехчленную модель структурирования позиций по горизонтали (автономия/гетерономия) и по вертикали (доминирующие/доминируемые), разработанную учениками П. Бурдьё, к объяснению устройства литературного поля при сталинизме. Она предположила, что сильная политизация всех сфер жизни деформирует «естественное» членение поля по указанным позициям. Т.В. Краева в докладе «Французские левые интеллектуалы и Советский Союз в 1920–1930-е годы: механизмы взаимодействия и литературные контакты» на материале посещений СССР ведущими французскими писателями, позиционирующими себя как «левые» и «просоветские», доказывает существование взаимного интереса советской власти и западных «левых», а также скрытую прагматику горизонтальных контактов, работающую на достижение успеха по обе стороны государственной границы.

В заключительной дискуссии участники ее пришли к выводам о **парадоксальном семантическом сдвиге в содержании «левой идеи» в искусстве при сталинизме**, о ее прагматическом наполнении, о конформистской составляющей «левой» ориентации, о функциональной переменчивости в зависимости от смены правил поведения в поле. Выявленная своего рода мутация «левой идеи», преобразования ее в «прогрессивное» искусство, отказ от деления на «левых» и «правых» на уровне официальной риторики и маркировки правил внутри советского поля и за его пределами, нуждаются в дальнейшем анализе.

Для более глубокого знакомства с результатами работы над проектом мы отобрали для публикации несколько докладов, сделанных в разное время. Принципы отбора, которыми мы руководствовались, таковы: по своим исходным биографическим данным (габитусам), принадлежности к той или иной художественной традиции, идеологическим пристрастиям, ярко выраженной политической установке либо принципиальной нейтральности персоналии должны быть совершенно разными. Герой статьи М.А. Литовской – Валентин Катаев, писатель с давней репутацией циника и конформиста, успешный советский деятель, творчески не связанный с левым, революционным, авангардистским крылом. Советские архитекторы-конструктивисты (статья М. Ильченко), напротив, формировались в русле прямой смычки с самыми радикальными идеологиями переустройства мира; К. Чуковский (статья И. Савкиной) – литератор, сформировавшийся в атмосфере «серебряного века», идентифицировал себя с широко трактуемыми демократическими традициями русской классики, а в идеологическом отношении дистанцировался от любой партийно-политической ориентации. Французские «левые» (статья Т. Краевой), для которых подлинность художественных новаций гарантировалась единством революционной позиции и политической оппозиционности, видели в советском обществе перспективу позитивного решения проблемы «искусство и полити-

ка». Все эти личности оказываются связанными некоей общей судьбой: живя в переходное время, на сломе революционной парадигмы, им пришлось пережить «перемену участи». Одни из них получили ярлык жертв, вынужденных отказаться от своих творческих принципов, другие – конформистов, служивших во славу несправедливого режима, третьи – наивных и обманутых в своих ожиданиях романтиков, поставивших не на ту карту. Используя фразеологию того времени, их можно назвать «перерожденцами». Но именно эти «случаи», на наш взгляд, помогают понять общие процессы, характеризующие искусство и его авторов в период сталинской модернизации.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция "левой идеи" в период с середины 1920-х до середины 1950-х годов».

Библиографический список

- Берг М.* Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М., 2011.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.
- Бурдые П.* Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Соц. пространство: поля и практики: сб. ст. М., 2005.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Дружба: очерки по теории практик: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2009.
- Круглова Т.А.* Советская художественность, или нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005.
- Лабиринт. 2012. №№ 2, 5; 2013. № 1(6). URL: <http://journal-labirint.com> (дата обращения: 08.07.2013).
- Литовская М.А.* Феникс поет перед солнцем: феномен Валентина Катаева. Екатеринбург, 1999.
- Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре / под ред. С. Зенкина. М., 2005.
- Сапиро Ж.* Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журн. социологии и соц. антропологии. 2004. Т. 7, № 5. С. 126–143.
- Artistes/politiques // Sociétés & représentations / sous la dir. de F. Matonti. 2001. №°11.
- Bourdieu P.* Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Editions du Seuil, 1998.
- Casanova P.* La République mondiale des lettres, Paris, Seuil, 1999.
- Heinich N.* L'élite artiste. Excellence et singularité en régime démocratique. Paris :Gallimard, 2005. P. 347-351.
- Le champ littéraire // Actes de la recherche en sociales. 1990. № 89.
- Le réalisme socialiste en France / Sociétés & représentations / sous la dir. de Aron P., Matonti F. et Sapiro G. (dir). 2002. № 15.
- Littérature et politique // Actes de la recherche en sciences. 1996. № 111-112.
- Matonti F.* Intellectuels communistes : une sociologie de l'obéissance politique, La Nouvelle Critique (1967-1980), Paris, La Découverte, 2005.
- Sapiro G.* La Responsabilité de l'écrivain. Littérature, droit et morale en France (XIXe-XXIe siècles), Seuil, 2011.
- Sapiro G.* The literary field between the state and the market // Poetics. Journal of Empirical Research on Culture, the Media and the Arts. 2003. Vol. 31, 5-6. P. 441-461.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.06.2013

THE “LEFTIST IDEA” IN ART: RESISTANCE OR CONFORMISM?

T.A. Kruglova

Ural Federal University, 620002, Moscow, Mira st., 19
tkruglova@mail.ru

The article presents a research project aimed to analyze the field of the Soviet art under Stalin in the circumstances of political domination in culture. The author analyses horizontal and vertical linkages in artistic environment, the impact of symbolic capital of the Western "leftist" community, the positions of artists and behavioral strategies that ensured success. The study is based on the comparison of strategies and discourses of the French leftist intellectuals and the Soviet writers who were embedded in the political project of the power. Comparative analysis aims to clarify the contradictory concepts of leftist discourse, such as right / left, avant-garde / conservative, folk / bourgeois, conformity / nonconformity, and the conversion that occurs when moving from one national literary field to another, as well as the description of creative practices and intellectual activities associated with those concepts. The author finds the similarities and differences of historical and cultural options for deploying of the Enlightenment project, in which the creator of art is marked by important social mission and symbolic power.

Key words: "leftist idea", avant-garde, Stalinism, conformism, symbolic capital, Bourdieu's sociological analysis, field of literature, French left-wing intellectuals, artistic strategies, Soviet artists.

References

- Berg M.* Literaturokratiya: Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature. M., 2000.
- Boltanski L., K'yapello E.* Novyy dukh kapitalizma. M., 2011.
- Boltanski L., Teveno L.* Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov. M., 2013.
- Burd'e P.* Proizvodstvo very. Vklad v ekonomiku simvolicheskikh blag // Sots. prostranstvo: polya i praktiki: sb. st. M., 2005.
- Burd'e P.* Sotsiologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993.
- Druzhba: ocherki po teorii praktik: sb. st. pod red. O. Kharkhordina. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta, 2009.
- Kruglova T.A.* Sovetskaya khudozhestvennost', ili neskromnoe obayanie sotsrealizma. Ekaterinburg, 2005.
- Labirint // <http://journal-labirint.com> 2012, №№ 2, 5; 2013, № 1(6).
- Litovskaya M.A.* Feniks poet pered solntsem: fenomen Valentina Kataeva. Ekaterinburg, 1999.
- Respublika slovesnosti: Frantsiya v mirovoy intellektual'noy kul'ture // pod red. S. Zenkina. M., 2005.
- Sapiro Zh.* Frantsuzskoe pole literatury: struktura, dinamika i formy politizatsii // Zhurn. sotsiologii i sots. antropologii. 2004. T. 7, N 5 S. 126–143.
- Artistes/politiques [nazvanie sbornika], sous la dir. de F. Matonti [redaktor], Sociétés & représentations [nazvanie izdaniya], n°11, février 2001.
- Bourdieu P.* Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Editions du Seuil, 1998.
- Casanova P.* La République mondiale des lettres, Paris, Seuil, 1999.
- Heinich N.* L'élite artiste. Excellence et singularité en régime démocratique. – Paris :Gallimard, 2005. – p. 347-351.
- « Le champ littéraire » [nazvanie vypuska], Actes de la recherche en sociales [nazvanie zhurnala], 89, septembre 1990.
- « Le réalisme socialiste en France » [nazvanie sbornika], sous la dir. de Aron P., Matonti F. et Sapiro G. (dir.) [redaktory], Sociétés & représentations [nazvanie izdaniya], n°15, 2002.
- « Littérature et politique » [nazvanie vypuska], Actes de la recherche en sciences [nazvanie zhurnala] sociales, n°111-112, mars 1996.
- Matonti F.* Intellectuels communistes : une sociologie de l'obéissance politique, La Nouvelle Critique (1967-1980), Paris, La Découverte, 2005.
- Sapiro G.* La Responsabilité de l'écrivain. Littérature, droit et morale en France (XIXe-XXIe siècles), Seuil, 2011.
- Sapiro G.* "The literary field between the state and the market", Poetics. Journal of Empirical Research on Culture, the Media and the Arts, vol. 31, 5-6, octobre-décembre 2003, pp. 441-461.